

Глава 3. Синергийная перспектива

Переход к новому синергийному миропорядку не есть вид утопических мечтаний. Контуры будущей системы вызревают в недрах существующего общества. Задача заключается в их распознавании за ширмой устоявшихся модернизационных стереотипов.

Исторический циклизм против линейной стадиальности

Симптомов происходящей ныне глобальной системной трансформации предостаточно. На фиксации их построена теория постмодернизма и других «пост»-концептов. Само мышление в категориях «пост» обнаруживает дефицит новых системных идентификаторов. Нельзя же признать удовлетворительным обозначение системы как некой реальности, которая наступает «после модернизма». Упорное, на протяжении вот уже трети столетия, оперирование пост-категориями указывает на методологический тупик эволюционистского дискурса. Это означает, что сущностное понимание новой модели мироустройства не достигнуто. При постижении сущности этой системы не было бы, соответственно, проблем и с ее номинированием.

К настоящему времени сложились два основных подхода в определении историософского содержания постиндустриального общества. Первый связан с теоретическими разработками Д. Белла. Историческая модель здесь определяется схемой линейного стадиального прогресса. Зачастую она преподносится в качестве единственной версии объяснения генезиса постиндустриализма⁶⁰. Однако существует и принципиально иная историческая схема построения пос-

---

⁶⁰ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». М., 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.

тиндустриального мира, определяемая рассмотрением его в ракурсе циклического восхождения. Формирование данного подхода связывалось, в частности, с трудами французского экономиста и социолога Ж. Фурастье. Обращалось внимание, что признаки постиндустриального уклада (замена классового деления профессиональными корпорациями, возвышение управленческой миссии университетов, пригородный образ жизни, элитаризация) во многом повторяют парадигмальные черты средневекового общества. В отличие от сторонников белловского направления, Ж. Фурастье даже указывал в качестве одной из основополагающих характеристик постиндустриального развития — реабилитацию религиозного и религиозно-мистического опыта, что напрямую соотносилось со средневековой традицией⁶¹. Понятно, что истолкование постиндустриализма в качестве «нового средневековья» отражает принципиально иные, в сравнении с моделью стадияльного прогресса, управленческие установки.

В противоположность однолинейному постмодернистскому концепту, нами утверждается, что грядущая стадия мироустройства не обладает принципиальной исторической новизной. Она нова лишь в том смысле, что каждое явление исторически новационно. Парадигма же ее формируется как синтез моделей общества традиционного и модернизационного типов. Результатом последовательно проведенной — до своего логического завершения — модернизации является самоотрицание. И вот уже на новом циклическом витке развития за декорациями модерна и постмодерна угадываются контуры «нового средневековья»⁶².

Трехстадиальная инверсия «традиционализм — модернизм — синергия» прослеживается по совершенно различным сферам общественного бытия.

---

⁶¹ *Легостаев В.М.* Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974., № 12.

⁶² *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.

Стимулированное управление: экономика синергического типа

Традиционная модель экономической организации представляла собой жестко регулируемую систему хозяйствования. Управление доводилось до уровня детальной регламентации. Производственная эффективность принудительно организованного труда была сравнительно невелика. В этой связи исторически обусловленным представлялся процесс дерегулируемости экономики.

Идеологема свободного рынка составила парадигмальное видение экономической деятельности эпохи модернизма. На практике абсолютизация свобод в сфере экономики обернулась набирающими масштабы мировыми кризисами. Под впечатлением от их разрушительного воздействия экономисты и политики заговорили о необходимости государственного экономического управления. Однако возрождение директивы управленческих механизмов оказалось в новых условиях малоперспективным.

Переход к синергической фазе развития предполагал усложнение управленческих механизмов, а отнюдь не упразднение самого управления. Визуально роль государства в экономике нивелируется, но фактически она непомерно возрастает. Рычаги управления превращались из директивных ремней в невидимые нити. Основным смыслом предполагавшейся трансформации заключался в переориентации от метода директивы к методу стимула. Даная задача была несоизмерима сложнее в реализации, чем традиционная схема управления. Она предполагала не только формализацию воли правительства в виде указов и постановлений, но и формирование контекста, побуждающего человека к принятию запрограммированного решения. Хозяйствующий субъект не принуждался, а стимулировался. Государство перемещалось с авансцены экономики за ширму, расширяя при этом поле своего функционирования⁶³.

⁶³ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Идеология экономической политики. М., 2008. С. 185–210.

Именно такая стратегическая трансформация системы государственного управления экономическим развитием была в конце второго тысячелетия осуществлена на Западе. Россия, как известно, пошла по прямо противоположному пути, не только не построив управленческой модели, соответствующей обществу постиндустриального типа, но и разрушив ту, которая соотносилась с экономикой индустриализма.

Система национальных экономик современных стран Запада весьма далека как от прямого дирижизма, так и от саморегуляции. Государственно-управленческие механизмы точно инкорпорированы там в структуры рыночного хозяйства. Реминисценция модели директивного социализма может создать иллюзию процесса минимизации управленческих функций государства в западных странах. В действительности же эффект отсутствия вызван существенным повышением качества управления в постиндустриальном мире. Высшее управленческое искусство заключается не в том, чтобы заставить человека действовать соответствующим образом, а в том чтобы создать такие условия, когда он сам придет к выводу о целесообразности такого действия, воспринимая решение о его совершении, как свое собственное. Вообще, от прямого управления Запад перешел к стимулированному.

Не директива, а стимул ныне является основным управленческим инструментарием. Понятие «невидимой руки», которое использовал А. Смит в применении к саморегулирующемуся рынку, может быть переадресовано теперь к современным западным государствам⁶⁴.

В тех странах, которые достигли постиндустриальной фазы развития, значение государства — ввиду усложнения системных управленческих задач — только возрастает. Характерно, что мировыми лидерами по масштабности государственных интервенций в экономической сфере выступают западные высокотехнологические страны. Участие государств в жизни развитых общественных систем Запада,

---

⁶⁴ Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.

если судить по их долевого представительству в формировании ВВП, возросло за последнюю треть XX в. более чем в два раза. Экономический прорыв, наблюдаемый в последнее время в ряде стран регионов Южной и Восточной Азии, также коррелирует с возрастанием в них роли государственного участия. Усиление государственнического компонента в национальных экономиках в целом может быть определено как тренд современного развития мира (рис. 16)⁶⁵.

Еще более очевидным представляется государственнический вектор развития западных стран в долгосрочной перспективе (рис. 17). Доминирующее положение экономики Запада в современном мире формировалось, таким образом, на пути усиления масштабов государственного фактора⁶⁶. Только в России, в противоположность указанной мировой тенденции, развитие осуществляется в прямо противоположном направлении⁶⁷.

Реальные экономические системы, в диссонансе с экономическим моделированием, имеют синергийный характер. Понятие хозяйственной многоукладности, о которой В.И. Ленин писал как о специфической черте развития капитализма в России, может быть в действительности применено к любой из национальных экономик⁶⁸. Теории «чистого рынка», как ранее «чистого капитализма» и «чистого социализма», представляли собой весьма умозрительные конструкции. Их моделирование определялось главным образом идеологическими соображениями, а не реалистическим описанием.

---

⁶⁵ Отчет о мировом развитии 1997. Государство в меняющемся мире. М., 1997. С. 26; Перская В.В. Глобализация и государство. М., 2005. С. 114.

⁶⁶ France. The National institute of statistics and economic studies (INSEE). <www.insee.fr>; Germany. Federal Statistical Office. <www.destatis.de>; Japan. Statistics Bureau & Statistics Center. <www.stat.go.jp>; United Kingdom. Office for National Statistics. www.statistics.gov.uk; United States. Bureau of Economic Analysis. <www.bea.doc.gov>.

⁶⁷ Промышленность России. 2005: Стат. Сб. М., 2006. С. 42.

⁶⁸ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. соб. соч. М., 1979. Т. 3.

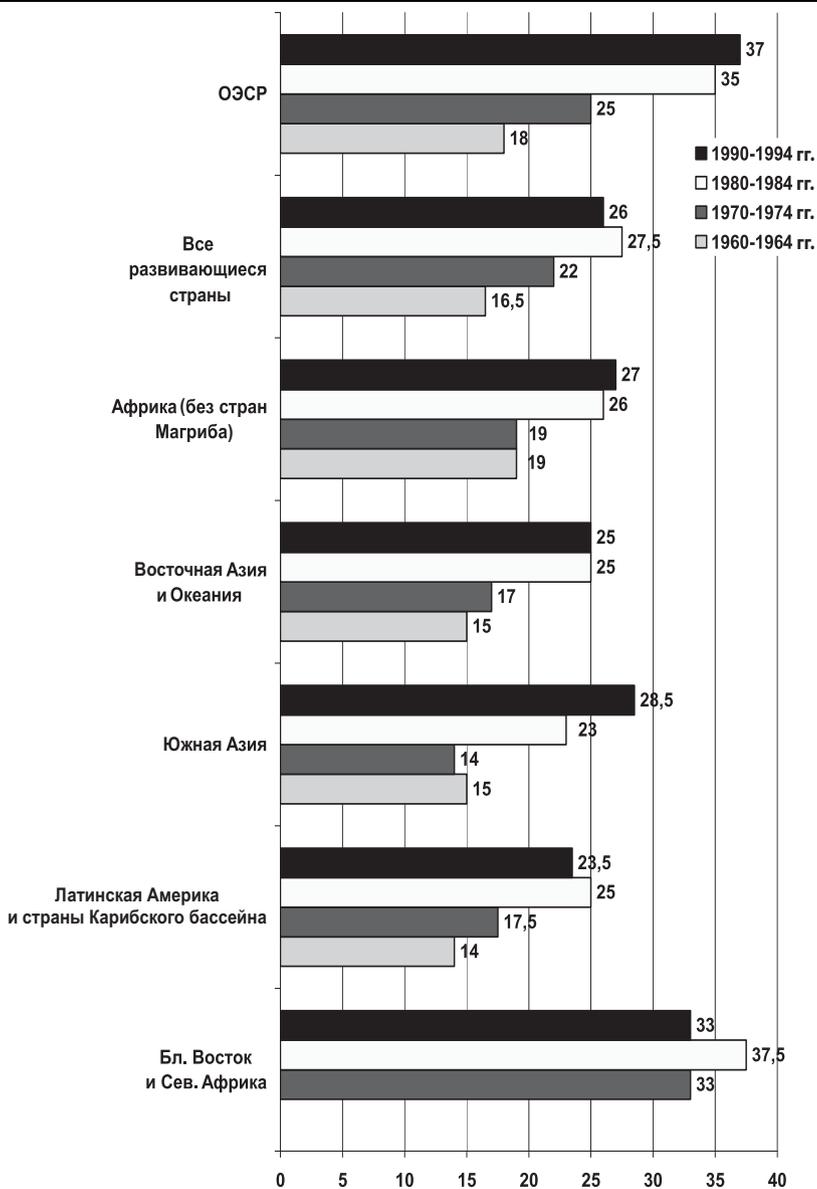

Рис. 16. Затраты центральных правительств, в % от ВВП

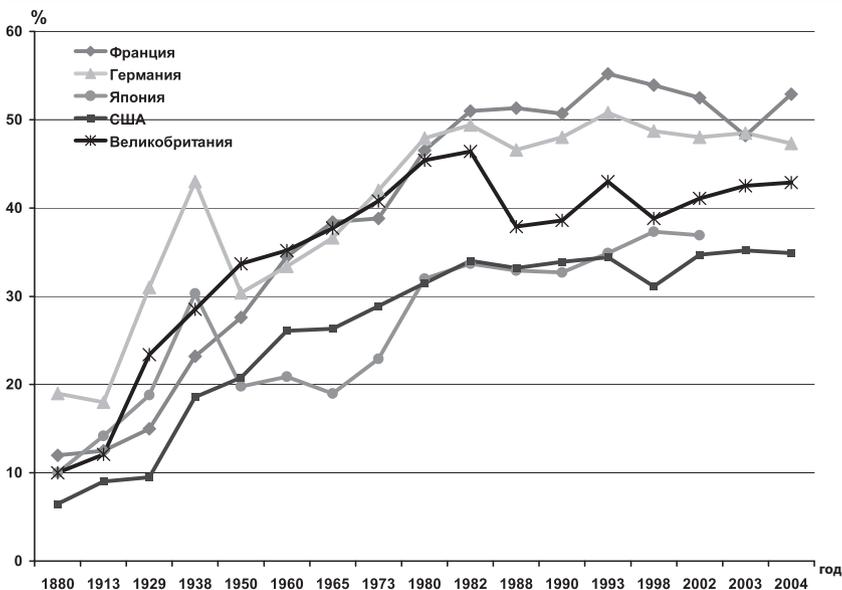

Рис. 17. Динамика доли государственных расходов в ВВП по ряду стран западного мира в долгосрочной ретроспективе, в %

Социальное государство как транслятор социального гуманизма

Традиционная модель в ее социологическом измерении представляла собой законсервированную общественную систему. Инструментарием консервации выступал механизм сакрализуемых табу. Действовал принцип социального патернализма. Его воплощением на уровне низовых общественных структур служил феномен общины. Императивом общинного миропонимания являлась категория социальной справедливости, как некий вариативно трактуемый идеал утраченной примордиальной традиции. Функционально прикрепляя человека к определенному социальному состоянию (в этом и состоял смысл установления «крепостного права»)

традиционная система легитимизировала неравенство возможностей⁶⁹.

Историческим антитезисом по отношению к ней явилась модернистская модель социально мобильного общества. Лозунговая формула Великой Французской революции «Свобода! Равенство! Братство!» несла в себе заряд отрицания структурной сложности «цветущего Средневековья». Групповые идентичности разрушались, будучи переакцентированными на индивидуальные. Реализовывался принцип всеобщности социальной конкуренции. Безусловно, конкурентная борьба играла на определенном этапе роль катализатора общественного развития, она расконсервировала сознание человека, сформировала новый исторический тип деятельности личности⁷⁰.

Однако возведенная в абсолют конкуренция всех и каждого обрекает саму систему на состояние внутренней организменной деструкции. Социум поражается различного рода антагонизмами. Перед ним встает реальная перспектива распада. Спасительным выходом в данном случае выступает институционализация социального государства. Построение его соотносится с третьей синергичной стадией исторических инверсий. Синтез здесь заключается в соединении традиционалистского компонента государственной опеки с модернистской социальной мобильностью. Абстрактная категория социальной справедливости замещается конкретизированным императивом социального гуманизма⁷¹.

---

⁶⁹ *Ключевский В.О.* Русская история. Курс лекций в 3 кн. Кн. 2. М., 1997; *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. СПб., 1994; *Скрытников Р.Г.* История Российская. IX-XVII вв. М., 1997.

⁷⁰ *Бердяев Н.А.* Новое средневековье. М., 1990. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993; *Леонтьев К.* Цветущая сложность. М., 1992.

⁷¹ *Орлов И.Б., Сулакишин С.С., Колесник И.Ю., Вилисов М.В.* Государство социального гуманизма — от теории к практике. М., 2008.

Новые императивы государственности

Политическая парадигма традиционного общества выражалась моделью пангосударственности. Реальных ресурсов для проведения политики этатизма у государства, впрочем, не доставало. Однако пангосударственность в данном случае заключалась не в управленческих возможностях, а в отсутствии разграничения политической и приватной сфер. Основным управленческим механизмом в традиционном обществе, помимо действия самой традиции, являлось прямое государственно-общинное принуждение. Правовая неограниченность государственной власти закреплялась посредством ее сакрализации. На практике это зачастую оборачивалось режимами кровавых автократов. Череда безумцев на престолах заставляла переосмыслить феномен политической легитимности. Система иерархической подчиненности оказалась в состоянии кризиса.

Модернизационный этап устанавливал дифференциацию государственных и общественных институций. В противоположность эпохи пангосударственности, субъектность государства теперь ограничивалась. Новая минимизированная роль государства выражалась метафорой «ночного сторожа». Идеи сдерживания потенциального государственного произвола нашли отражение в концептах «гражданского общества» и «разделения властей»⁷². Само государство из высшей силы, сакрализованной этиологией божественной харизмы, переосмысливалось как продукт общественного договора.

Однако разгосударствленное общество оказалось неспособным к самоорганизации при необходимости реагирования на внутренние и, особенно, внешние вызовы развития. Обнаружилось наличие широкого спектра общественно значимых функций, которые взять на себя по силе лишь институту государства.

⁷² Соловьев Э.Ю. Теория общественного договора и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность. М., 1974.

Этатистские альтернативы либеральному модернизму — в виде фашистской и коммунистической систем — являлись в своем сущностном значении не построением нового строя, а завуалированной попыткой реанимации старой традиционной модели. Неслучайно к гитлеровской и сталинской трансформациям все чаще в последнее время применяется дефиниция «консервативная революция»⁷³. Для новой синергичной системы ни этатистская, ни либеральная рецептуры государственного режима неприемлемы.

Государство возвращает себе активную управленческую роль, но делает это не явно в визуальном отношении. От прямого принуждения в традиционном сообществе оно переходит к механизму косвенного мотивационного управления. Управленческие нити становятся невидимыми. Новым ориентиром для государства оказывается формула Ф. Фукуямы — «меньше, но сильнее»⁷⁴.

Демократия как фантом: безопасность ценнее свободы

Демократические электоральные процедуры оказываются не более чем фарсом. Разработка и практическая апробация технологий манипулирования массовым сознанием делают государственную власть столь же всемогущей, как у автократов древних и средневековых царств. Если политические предпочтения электората могут быть запрограммированы (как это, к примеру, случилось на президентских выборах в России в 1996 г.), то о какой демократии может идти речь? Либеральная демократия как политический феномен ушла в прошлое, соотнося свой уход с закатом эры модернизма.

Исторически модернизм выступал как антитеза. Ввиду этого, ценностный модернистский набор имел значение

---

⁷³ Дугин А.Г. Консервативная революция. М., 1994.

⁷⁴ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

прежде всего в качестве отрицания. С разрушением отрицаемой им системы его собственная смысловая конструкция рассыпалась. Поднятые на щит Французской революции принципы «свободы», «равенства» и «братства» были взяты за основу трех исторически реализованных моделей модернизации — либеральной, коммунистической и националистической. Весь содержащийся в них призывный пафос был направлен против признаков традиционалистской системы — крепостной несвободы, аристократического иерархизма, сословно-корпоративной гетерогенности. Прошли пара столетий, и борьба с традиционализмом деактуализируется. Универсализуемые прежде ценности утрачивают свое былое значение. Кому теперь, к примеру, в реальности нужна политическая свобода? Оставаясь по инерции лозунгом партий, она к числу разделяемых массами ценностей не относится. Гораздо более важна для западного обывателя безопасность. Свободы могут быть с легкостью отданы в обмен на гарантированное безопасное существование⁷⁵.

Взятые на щит политики западных государств демократические ориентиры все в меньшей степени отвечают ценностному набору обывателя Запада. Демократия в своем идеальном значении есть, безусловно, политический идеомиф. Длительный рост популярности демократических ценностей соотносился с процессом устранения ограничений демократизма в виде различного рода цензовых барьеров⁷⁶. Но когда, казалось бы, все препятствия были устранены, обнаружилось, что реальное практическое воплощение власти народа есть утопия. Демифологизация демократической идеи обернулась ее десакрализацией. Политический индифферентизм стал доминирующим умонастроением в сфере политики. Доведенный до своего логического предела полный отказ населения от участия в выборах способен уп-

⁷⁵ Кургинян С.Е. Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. М., 2007.

⁷⁶ Урланис Б.Ц. История американских цензов, М., 1938.

разднить и сам институт демократии. Электоральная активность в настоящее время поддерживается во многих странах исключительно за счет шоу-технологий. Но и это не помогает. Достаточно сказать, что в США, позиционирующихся в качестве «величайшей демократии», в национальных выборах в среднем принимает участие менее половины американских избирателей (49,1%)⁷⁷.

Заккрытие элитаристских ротаций

Элита в традиционном обществе кооптировалась по критерию кровнородственной принадлежности. Элитаристский круг составляла наследственная аристократия. Кровнородственная модель кооптации переносилась на все существующие социальные структуры, включая общины и профессиональные корпорации. Рудименты этой системы обнаруживаются по сей день в клановых иерархиях стран Востока. Однако отбор лучших при таком ротационном принципе был весьма затруднен. К тому же, замкнутые в брачном отношении внутри себя группы элит от поколения к поколению физически вырождались.

Для повышения эффективности управленческого класса требовался приток свежей крови. Это было достигнуто посредством упразднения кровнородственных ограничителей. Лейтмотивом петровского модернизма стала в данном отношении борьба с традицией московского местничества. Табель о рангах и кооптации в управленческий класс выходцев из Европы являлись приемами ломки прежней элитаристской модели⁷⁸.

Новая модернистская эпоха устанавливала принципы открытой ротации. Знаменитая «американская мечта» на-

---

⁷⁷ Сравнительный менеджмент / Под ред. С.Э. Пивоварова. СПб., 2006. С. 140.

⁷⁸ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.), М. 1964.

ибо более точно отражала ментальность модерна. Формируется идеология «общества равных возможностей». Распространяется идеомиф, будто бы каждый живущий в «свободной стране» (спектр «свободных стран» при этом варьировался) может взойти на элитаристский Олимп. Открывались шлюзы для притока во власть представителей низовых и маргиналистских ниш общества. В России новый принцип элитаристских ротаций был идеологически закреплен доктриной о «диктатуре пролетариата».

Открытость системы обернулась в итоге ее охлократизацией. Установленный механизм отбора выдвигал в элиту не самых талантливых и нравственно безупречных, а наиболее беспринципных, не обремененных глубокой интеллектуальной рефлексией, контролируемых посредством наличия некоего неоглашаемого «черного пятна» в биографии. Ротационная открытость ставила элиты под «дамоклов меч» перманентных кадровых революций. Задачи самосохранения обуславливают создание барьеров сдерживания свободы ротаций⁷⁹.

Система отбора элит опять становится закрытой. Парадигмы формирования высшего общественного класса вновь составляет наследственная принадлежность. Государственное управление сосредоточивается в руках несменяемой технократической корпорации. Периодически, поддерживая иллюзию демократизма, происходит смена высшего политического истеблишмента, при том что элитаристский класс в целом остается в своем прежнем статусном положении. Существовавшие прежде ниши формирования контрэлит к настоящему времени фактически во всех странах искоренены. При декларируемой открытости реальная кадровая альтернатива отсутствует.

---

⁷⁹ Ашин Г.К. Смена элит // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1; Ашин Г.К. *Современные теории элиты: критический очерк*. М., 1985; Ашин Г.К. *Элитология, ее политико-философский и политико-социологический аспекты* // *Вестник Российского ун-та дружбы народов*. Сер.: Философия. 1998. № 1.

Безусловно, лишенная сакрального ореола и традиций сословно-корпоративного существования, новая наследственная олигархия существенно отличается от аристократии традиционных сообществ. Но если следовать дальнейшей логике циклизма системных трансформаций, то в целях легитимизации своего положения именно неоаристократические круги будут особо заинтересованы в имплементации идеи синергичного традиционализма. Парадокс метаморфозы? Но лейтмотив сущностных перерождений заложен в самой природе исторических циклов. Смогли же, к примеру, бывшие варварские короли взять на себя в свое время высокую культуртрегерскую миссию.

Новый национализм

Традиционное общество было этноцентрично. Несущая конструкция самоидентификации выражалась дихотомией «свои — чужие». Образ врага конструировался через этнические (или этноконфессиональные) идентификаторы. Доминирующими в традиционном сознании являлись установки «племенного национализма». Для своего времени они сыграли важную роль как фактор национальной самоидентификации. Однако в связи с процессом расширения межэтнических коммуникаций, стереотипы этноцентризма стали препятствием для дальнейшего интегративного развития мира⁸⁰.

Первая их исторического ломка связывалась с генезисом мировых религий (буддизм, христианство, ислам). Адресация к этносу замещалась в них адресацией к человечеству. Поднималась на щит идея религиозного космополитизма. В этом своем компоненте мировые религии, оставаясь тра-

---

⁸⁰ Багдасарян В.Э. Мифологическая парадигма этнофобии // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Сборник научных статей. М., 2004.

диционалистскими учениями, выступали предвестниками модернизма. Парадигма космополитизации ограничивалась в них конфессиональными рамками.

Модернизационная глобализация установила новую буржуазную версию космополитизма. Впрочем, модернизм далеко не всегда соотносился с интернационализмом. Часто в модернизационных целях использовалась национальная карта. Под вывеской государства-нации осуществлялось уничтожение этнических традиций. Гражданская идентичность подменяла этнокультурную и этноконфессиональную. Неслучайно зарождение концепта государства-нации связывается с Великой Французской революцией, идейно позиционируемой в антагонизме к идущим из глубины веков традициям, включая традиции этнические. Стоит ли удивляться в этой связи провозглашаемому современному кризису национального государства⁸¹?

Национальной — в подлинном смысле слова — эта модель модернизационной государственности никогда не являлась. Отсутствовало главное — национальные традиции. Однотипность существования гражданских наций нивелировала различия между народами, ведя их по пути унификации⁸².

Однако национальная принадлежность ни есть лишь культурная производная, а одно из имманентных проявлений природы человека, глубин его психики, восходящих, вероятно, к этническим особенностям генокода. Унифицирующая глобализация не могла не вызвать реакцию национального отторжения. Мир оказался охваченным волной нового национализма. Пока еще он существует как контркультура. Однако ряды националистов ширятся год от года. На уровне

---

⁸¹ *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. Национализм и формирование наций. Теория. Модели. Концепции. М., 1994. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998.

⁸² *Нарочницкая Е.А.* Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000.

массового сознания, если судить по различным опросам общественного мнения, он уже вытеснил характерные для модерна унификаторские ракурсы видения национального вопроса.

Новый национализм, в отличие от племенного, не ограничивается замкнутыми локалитетами, будучи имплементирован в планетарную модель миростроительства. Конечно, национализм не является сам по себе выражением синергического устройства общества. Но он есть симптом грядущей трансформации. На базе соцветия рассредоточенных по странам движений за национальную идентичность будет выстраиваться система многополярности мира. Этническому моноцентризму традиционных сообществ противопоставляется в данном случае этнический полицентризм синергической эпохи.

Новое индивидуальноориентированное производство: деконвейеризация

При мегаисторическом масштабе измерения в схематику триадного цикла выстраивается также процесс смены технологических укладов. В соответствии с ними менялись ориентиры производственной деятельности.

Производство в традиционном обществе было сориентировано на индивидуального потребителя. К примеру, в Европе таким потребителем по отношению к крестьянам чаще всего выступал феодал. В традициях ремесленного мастерства было изготовление «шедевра». Товар такого рода имел эксклюзивный характер. Ввиду эксклюзивности производства каждая профессиональная корпорация обладала неразглашаемыми и сакрализуемыми секретами мастерства. Мастерству не просто обучали, в него ремесленника-неофита посвящали так же как посвящали в высшие знания. Что из себя представляли профессиональные корпорации мож-

но понять по сохранившимся в эпоху модернизма (правда, в существенно модифицированном виде) общинам «вольных каменщиков»⁸³.

Однако существующая система не могла обеспечить решения задач организации широкого массового потребления. Происходит сначала мануфактуризация, а затем и индустриализация производства. Машина нивелирует фактор профессионального искусства. Закрытые профкорпорации цехового типа разрушаются. Формируется новая социальная категория — рабочий класс. Модернизм формирует парадигму конвейеризации. Труд создателя материальной продукции обезличивается. Обезличен и конечный потребитель произведенного товара. Изделие создается теперь не для конкретного заказчика, а для общества в целом. Шедевр замещается ширпотребом. Количество и дешевизна явно доминируют над качеством.

Переход к синергийному этапу развития обуславливается в данном случае возрастающими запросами потребителя. Стандартизированные товары и услуги рассматриваются уже как признак производственной архаики. Вновь формируется бренд товарного эксклюзива. Происходит очередная смена технологического уклада, связанная с внедрением технологий постиндустриального типа. В структуре экономической занятости населения осуществляется переориентация от вторичного промышленного сектора экономики к третичному — сервисному. Специфика производственной деятельности на новом этапе определяется ее клиентоориентированностью⁸⁴.

Синтез синергийной стадии развития заключается в соединении парадигм массового и индивидуального производства. Современный производитель товаров и услуг, с одной стороны, ориентирован на наличие массового спроса, с

---

⁸³ МASONСТВО в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. В 2 т. М., 1914–1915.

⁸⁴ История сервиса. М., 2007.

другой — на реализацию поступающих в рамках этого спроса индивидуальных запросов.

Новое надомное производство

С трехстадиальной инверсией технологических укладов связывался исторический цикл развития такого, казалось бы, тривиального феномена, как «рабочее место». Ремесленное производство в традиционном обществе имело дисперсный характер. Кварталы ремесленников могли объединять их по месту жительства, но не по организации самого труда. В лучшем случае речь шла о наиболее упрощенных формах кооперации. Надомное производство составляло парадигму трудовой кустарной деятельности в эпоху традиционного общества.

Мануфактура и фабрика привели к структурному разграничению «дома» и «работы». Возникают нормативно формализованные понятия «рабочего места» и «рабочего времени». На работу теперь надо было «идти» в буквальном, физическом смысле слова.

Модернизм выдвинул парадигму концентрированного производства. Каждому трудящемуся в рамках этой концентрации отводилась определенная ниша пространства. Континуум рабочего места варьировался в зависимости от цивилизационного контекста.

Развитие системы связи, и прежде всего интернета, явилось одним из главных факторов новой деконцентрации производства. Понятие «рабочее место» теряет свою прежнюю актуальность. Профессиональная деятельность вновь приобретает черты «надомного производства». «Надомность», впрочем, не означает дисперсности. Труд пространственно рассредоточенных производителей связан посредством современных коммуникационных инфраструктур в функционально интегрированный процесс производства. Пока еще,

впрочем, для большинства профессий «рабочее место» соотносится с парадигмой индустриальной эпохи, но мы в данном случае говорим о тренде⁸⁵.

Отраслевая интеграция и односубъектное производство

Сам производственный процесс в традиционном обществе стадийно ограничивался ремесленной мастерской. Ремесленник создавал изделие, готовое к употреблению, беря на себя все фазы его производства. Он, по большому счету, не зависел от производственной конъюнктуры деятельности других профессиональных корпораций.

Эпоха модерна упразднила фигуру самодостаточного ремесленника. Кастово-цеховая профессиональная замкнутость подверглась разрушению в процессе специализации. Рабочий выполнял лишь одну из операций многостадийного процесса производства. Производственная деятельность становилась многостадийной и многосубъектной. К. Маркс рассматривал многостадийность капиталистического производства как одно из проявлений феномена «отчуждения»⁸⁶.

Современный уровень развития компьютерных технологий позволяет говорить о возможности возвращения к парадигме односубъектного производства. Стадийность профессиональных специализаций нивелируется посредством функциональной усложненности программного обеспечения. Пока это еще, впрочем, футурологическая перспектива. Однако уже сейчас очевидно, что научно-технические инно-

⁸⁵ *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10.

⁸⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956; *Давыдов Ю.Н.* Труд и свобода. М., 1962; *Огурицов А.П.* Отчуждение и человек. Историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. М., 1967; *Ойзерман Т.И.* Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965.

вазии должны привести в конечном итоге и к общественным трансформациям.

Эпоха цивилизации в истории человечества, по-видимому, близка к завершению. Наступает время отраслевой интеграции. Все более весомое значение в экономике развитых стран занимают крупные интегративные компании холдингового типа. Их доля в экономических системах США, Японии и Германии составляет более 1/3 промышленного производства, более 1/2 внешней торговли, более 3/4 патентов и лицензий на высокие технологии.

Новая ресурсная парадигма

Цикл гегелевской диалектики «тезис — антитезис — синтез» прослеживается и при рассмотрении исторической смены ресурсной базы развития. Основным ресурсом для традиционного общества выступала мышечная сила самого человека. Человеческий фактор в структуре ресурсной базы был доминирующим, хотя и выражался главным образом в применении физической силы.

Технический прогресс создавал новую реальность. Архаические формы труда стали со временем заменяться машинным производством, предполагающим смену ресурсного обеспечения. Машина не могла функционировать без соответствующего энергетического сырья. Переход от мышечной энергии человека к топливной энергии сырья составил парадигму модернизационной инверсии в ресурсной сфере, парадигму промышленного переворота и являлся решающим фактором процесса индустриализации. Открывается эпоха сырьевой конкуренции. «Ее величество нефть» обнаруживается за ширмой многих военных конфликтов и различного рода политических зигзагов.

Однако наука уже вплотную приблизилась к порогу обеспечения массового промышленного перехода на возобновля-

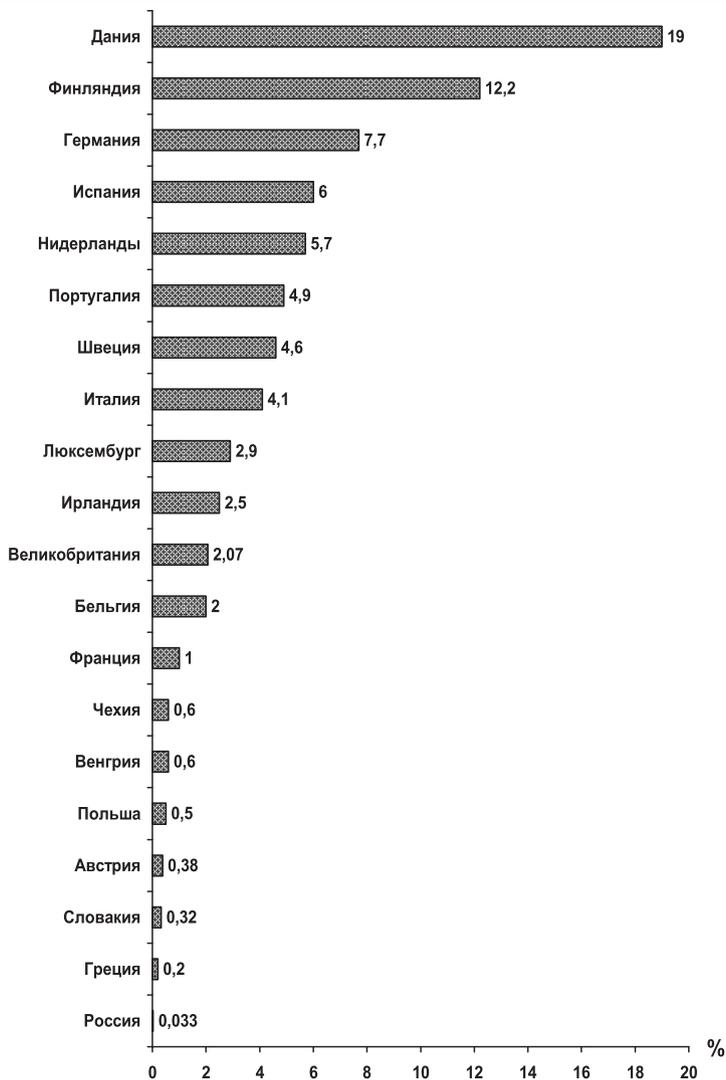
емые источники энергии — такие как энергия Солнца. Уже сейчас в Дании фактически пятая часть потребляемой электроэнергии связана с нетрадиционными видами источников (рис. 18)⁸⁷. Это должно обернуться глобальной ресурсной революцией, способной обрушить экономику многих современных стран (включая Россию), связавших свое развитие с уходящей в прошлое модернистской платформой богатства полезных ископаемых. На первое место в синергийной модели экономической организации высокоразвитых государств вновь, как и в эпоху традиционного общества, выходит ресурс человеческого капитала. Новое же заключается в том, что — в отличие от архаического периода — он измеряется не в мышечной силе, а в интеллектуальном потенциале человека.

Деурбанизация

Циклическим изменениям подверглась инфраструктура среды человеческого обитания. Традиционное общество было по преимуществу аграрным. Соответственно, подавляющее большинство населения проживало в деревнях. Антагонизма между городом и деревней еще не существовало.

Конфликтные отношения между ними впервые складываются в условиях кризиса феодального строя в Западной Европе. Города выступали проводниками идеологии буржуазных свобод, тогда как деревни стояли по-преимуществу на позициях консерватизма. Модернизм выдвинул парадигму урбанизации. Массовая миграция в города соотносилась с процессом индустриализации. Противоречия между городом и деревней получили социально-экономическое выражение. Сложность абсорбции бывших крестьян к городскому укладу могла преломляться в революционных потрясениях, как это случилось в России. Актуализация указанных проти-

⁸⁷ Россия и страны — члены Европейского союза. 2005. Стат. сб. М., 2005. С. 113.

Рис. 18. Доля нетрадиционных возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии в странах ЕС и России (геотермальная и солнечная энергия, энергия ветра, приливов волн, энергия возобновляемых видов топлива и отходов), в %

воречий в странах третьего мира даже привела к переосмыслению концепта о международном империализме как противостоянии «мировой деревни» и «мирового города».

Однако возрастающие требования к качеству жизни вступали все в более ощутимые противоречия с условиями городского существования. Прежде всего они определялись критерием экологичности. Одним из индикаторов завершения эры модернизма явился феномен деурбанизации. Преимущественно деурбанизационная волна охватила на первом этапе те страны, которые исторически наиболее далеко продвинулись в реализации модернизационной парадигмы развития⁸⁸.

Автомобильная революция создавала возможность для двухнишевого существования: работа — в городах, проживание — за пределами индустриальных агломераций. Следующим этапом, как реакция на вызов перманентных дорожных заторов, очевидно, станет перемещение в пригороды и ниши служебной деятельности. Коммунистическая профетика стирания различий между городом и деревней уже сейчас в ряде стран Запада является реализуемой реальностью.

Традиционное общество созывало особую семиосферу дома. Модернизм подверг ее частичному разрушению, сформировав новый феномен повседневного существования — «квартиру». Наконец, на третьей синергичной стадии парадигма собственного «загородного дома» частично восстанавливает свое былое значение в иерархии аксиологических ориентиров.

Новая парадигма собственности

Логика циклизма исторических трансформаций вступает в противоречие с концептом ретроспективной универ-

---

⁸⁸ Озерова Г.Н., Покишишевский В.В. География мирового процесса урбанизации. М., 1999; Перцик Е.П. Среда человека: предвидимое будущее. М., 2004.

сализации института частной собственности. В действительности, в своем современном правовом и философском понимании он обнаруживается в довольно ограниченном количестве исторически существовавших сообществ. По сути, при универсализации частнособственнических отношений историография сталкивается с экстраполяцией модернизационной парадигмы на домодернизационные периоды истории.

Для традиционного общества доминирующим типом владения землей являлась государственно-общинная собственность. Коллективистский императив определял парадигму собственнических отношений. Коллективная собственность, которую К. Маркс относил к доклассовому обществу «пещерного коммунизма», сохраняла свою доминирующую роль, по существу, в каждой из древних и средневековых цивилизаций. «Земля Божья», — полагали русские крестьяне, а потому, следуя этому пониманию, — ничья в человеческом смысле. Частная собственность для мировоззренческого контекста традиционного общества была неприемлема⁸⁹.

Возникнув в специфических условиях ломки феодального строя в Европе, она была затем, по мере глобализации западного влияния, перенесена на почву иных цивилизационных систем. Генезис частной собственности связывался с противопоставлением ее как буржуазной альтернативы системе вассально-ленных владений. Историческое значение введения данного института определялась задачами повышения заинтересованности в результатах труда, развития индивидуальной предпринимательской инициативы.

Страны догоняющего типа модернизации использовали, зачастую, рецептуру национализации. Однако и эта собс-

---

⁸⁹ Качаровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890; Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 1–2; Воронцов В.П. Крестьянская община. М., 1897; Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб., 1893.

твенническая парадигма, используемая как механизм концентрации ресурсов, существенно отличалась от традиционалистской — общинной.

Современный тип доминирующей в экономике развитых стран собственности существенно отличается от ее классического частновладельческого образца. Формируется новая собственническая парадигма. То, что теперь называется частной собственностью, в действительности могло бы быть названо и собственностью коллективной, будучи представлена в формате различного рода акционерных и партнерских предприятий. Даже в США, традиционно позиционируемых в качестве оплота либерального капитализма, доля индивидуальных предприятий в масштабах экономической деятельности всех негосударственных корпораций не превышает и пяти процентов⁹⁰.

Ноосферное миропонимание

Одним из важнейших индикативных оснований смены аксиологических парадигм указанной триады исторических трансформаций явилось отношение человека к природной среде. В традиционном обществе оно определялось установкой адаптивизма. Локальные традиции народов во многом выполняли функции адаптационного механизма. Посредством их вырабатывался оптимум существования человека в определенном географическом локалитете. Отсюда различия традиционных культур, коррелирующих с различиями природно-средовых условий.

Задача использования сырьевых ресурсов обусловила изменение экологических императивов. На смену «гонимой» культуре (возникновение нового как рождение) традиционного общества приходит «ургийная» культура модерна

---

⁹⁰ Экономика США / Под ред. В.Б. Супяна. СПб., 2003. С. 133–136.

(возникновение нового как производство)⁹¹. Формируется модернистский тип человека-преобразователя. Однако всевозрастающая динамика ургийности вплотную подвела человечество к порогу глобальной экологической катастрофы. Перед ним в не столь отдаленной перспективе замаячила реальная угроза самоуничтожения.

Синергичным ответом на вызов исчерпавшего себя модернизма стало выдвижение парадигмы ноосферного миропонимания⁹². Пока оно не достигнуто, но изменение подходов к экологии в наиболее высокоразвитых странах — налицо. Деиндустриализация явилась экологической панацеей. Создание новых неиндустриальных технологий позволило формулировать задачу формирования инфраструктур и введения в практику массового употребления технических образцов экологически безвредного функционирования. Чистота среды обитания все в большей степени поднимает свой рейтинг в иерархии ценностных предпочтений.

Новое имперское строительство

В соответствии с указанной исторической инверсией изменялись принципы формирования геополитической конфигурации мира. Геополитика древнего и средневекового мира выстраивалась в парадигме имперостроительства. Империя являлась исторически государственной моделью, посредством которой осуществлялось оформление цивилизационного существования. Имперская форма государственности находилась на более высоком организационном уровне, нежели этническая. Какая из цивилизаций не выдвинула в то или иное время собственной версии построения империй?!

---

⁹¹ Гачев Г.Д. Космо — Психо — Логос: Национальные образы мира. М., 2007.

⁹² Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2007.

Модернизм, напротив, эксплуатировал карту имперской дезинтеграции. Модернизационная эпоха прошла под знаменем «гибели империй». Идея имперостроительства замещалась концептом «национального государства». Следуя этой логике, каждая нация должна была в итоге обрести собственную государственность. На практике это должно было обернуться глобальной политической деструкцией.

Основные конфликты современного мира есть по своей сущности следствие универсализации идеи национального государства. Сейчас многие аналитики пишут даже не то что о кризисе, а об историческом отмирании национальных государств. Им возражают, ссылаясь на возрастание регуляционной роли государственной власти для современного общества. В этой дискуссии, очевидно, смешиваются понятия «национальное государство» и «государство» как таковое. Кризис национальной государственности указывает не на неоанархистское упразднение государственных институтов, а на необходимость смены государственно-формата.

Новая кратополитическая реальность формируется ТНК. Обычно она противопоставляется модернистской кратополитике национальных государств⁹³. Но это может означать, что создается новый тип транснациональной государственности. Восстанавливается парадигма имперостроительства. Речь, естественно, идет об империях нового типа, интегрируемых, прежде всего, посредством экономических механизмов. Уже сейчас ведущие геополитические субъекты современного мира вполне могли быть номинированы в качестве систем неоимперского типа.

---

⁹³ Кочетов Э. Глобальный мир: проблемы его постижения и выхода на новую модель. М., 2000; Блинов А.С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М.: МАКС Пресс, 2003.

Новая семиотическая реальность

Несмотря на широкую концептуальную вариативность, триада исторических парадигм прослеживается даже применительно к слабоформализуемой сфере художественной культуры. Дорефлективный традиционализм в качестве основной структурной единицы искусства оперировал символом. Традиционная народная символика восходила к магической практике. Ее дешифровка составляла ритуал эзотерического посвящения. Посредством символизма закреплялось действие традиций. Уместно было говорить об особом семиотическом типе мышления домодернистского человека.

Однако разрыв семиотической и онтологической реальностей приводил в социальном плане к противостоянию корпорации посвященных (истолкователей) и широких профанных слоев населения. Реформация явилась историческим протестом не только против института Церкви как таковой, а самого принципа эзотерики. Утверждение протестантизма ознаменовало начало процесса культурного омассовления⁹⁴.

Первым этапом модернизационной трансформации в искусстве стала доминанция принципа реалистичности. Эксплицитная сложность семиотических конструкций упраздняется. Формируется новый тип мышления, выстраиваемый в соответствии с критерием рациональности. Рациональность, впрочем, замещается в дальнейшем рассудочностью, а реалистичность — утилитарностью.

Выдвинув парадигму омассовления, модернизм приводит культуру к тупику сензитивности. Биологически инстинктивизм и интеллектуальная редукция стали отличительными чертами массовой культурной продукции. Высокая культура оказалась под угрозой полного уничтожения.

---

⁹⁴ *Багдасарян В.Э. Генезис секулярного познания: ценностно-мировоззренческая парадигма секуляризма // Материалы научного семинара. Вып. № 6. М., 2007.*

Контрреакцией на восстание масс явилось зарождение ряда художественных направлений, содержательно ориентированных на восстановление значения символа в своем прежнем структурообразующем качестве. О том, что может представлять собой синергичная стадия развития культуры, свидетельствует исторически прерванный эксперимент русского культурного ренессанса начала XX в.⁹⁵ Специфика протекания социальных процессов обусловила отказ от него в пользу очередной из версий реалистичности («социалистический реализм»).

Определенную терминологическую путаницу вносит понятие «модерн», распространяемое на многие контрмодернизационные течения в искусстве. Сложился парадокс расхождения искусствоведческой и обществоведческой трактовки модерна⁹⁶. Между тем, в нашей схеме определяющим признаком наступления новой стадии в развитии художественной культуры рассматривается ее неоэлитаризация. Элитарность в данном случае достигается посредством интеллектуализации культурного продукта, связанного с ее семиотизацией. Зачастую при этом используются конструкты различного рода симулякров. В противоположность реалистичности нового времени выдвигается парадигма виртуализации бытия. Одним из сценарных последствий парадигмальной инверсии является выстраивание нового семиотического континуума.

***

Отмеченные выше признаки свидетельствуют о том, что предсказываемая нами грядущая глобальная трансформация мира, определяемая в качестве новой исторической стадии развития, опирается на реальные эмпирически фиксируемые

⁹⁵ *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994.

⁹⁶ *Володина Т.* Модерн: Проблемы синтеза // Вопросы искусствознания. М., 1994. № 2–3; *Сарабьянов Д.В.* Модерн. История стиля. М., 2001.

тенденции. Однако они остаются пока только штампами, не означающими еще самого перехода к синергийной платформе. Сохраняется гибельная для человечества — при условии своей логической завершенности — парадигма модернистского антитезиса.

На первой стадии, реализующей задачу высвобождения личностной человеческой энергии из пут традиционалистских ограничителей, модерн имел вполне позитивное значение. Но отрицание само по себе не может служить мегаисторическим ориентиром развития. Антитезис ценен прежде всего в перспективе грядущего синтеза.

Вторая историческая стадия реализации парадигмы модерна актуализировала его разрушительный потенциал. Отрицание системообразующих традиций было доведено до того состояния, когда сама система, в качестве которой выступает человеческое общежитие, подвергается распаду. Процесс высвобождения человека дошел до своего предела, за которым началась деструкция самой освобожденной от традиционалистских добродетелей личности. Этот этап, за которым был закреплен маркер постмодерна, в действительности не отрицал, а доводил до логической завершенности модернистскую парадигму развития. Постмодернизм (неудачное терминологическое обозначение не изменяет сущности проблемы) представляет собой, таким образом, вторую нисходящую стадию в истории модернизма. Вслед за модерном, сформировавшим идею о смерти Бога, а через него — божественно установленных традиций, постмодерн представил реальную перспективу гибели человека.

По существу, современное человечество оказалось на развилке исторического выбора. Первый сценарий — это проторенная предшествующим модернистским опытом дорога мировой деструкции постмодерна. Ее финал есть гибель человеческой цивилизации.

Задача самосохранения человечества актуализирует вторую сценарную модель. Спасение от глобальной деструкции

общества и человека видится в восстановлении традиций. Это восстановление, впрочем, не может быть осуществлено по рецептуре реставрации традиционного уклада. Речь должна идти о синтезе традиционалистской и модернистской парадигм. Переход к новому типу мироустройства не наступит сам собой. Он предполагает наличие достаточно весомой в планетарном масштабе политической воли.